

Михаил
Юрий
Владимирович

Общая газета. 1998. - 27 авг. - 2 сент. - с. 10

Человек как эпизод собственной жизни

Юрий Никулин «Почти серьезно...» М.: «Вагриус», 1998. 572 с.

«ЧЕЛОВЕК в собственной жизни играет лишь небольшой эпизод» — этот парадокс Станислава Ежи Леца привел Юрий Никулин в своей книге, которая переиздается в тринадцатый раз. На этот раз мемуары выходят в серии «Мой XX век», и их выход совпал с годовщиной ухода от нас выдающегося артиста.

Афоризм Леца очень точно выразил мироощущение самого автора. Юрий Владимирович писал книгу вроде бы о себе, но, перечитывая ее, я вдруг поймал себя на мысли, что если кого в мемуарах и маловато, так это самого Никулина. Его воспоминания — это действительно наш век, густо населенный человеческими судьбами, людьми, которые автору показались более интересными, чем он сам. Нет, в книге нет и толчки кокетства: дескать, что я, вот они... Просто пишущий понимал, что он сам есть лишь некоторая производная от того, а точнее, от тех, кто сопровождал его по жизни.

Ему одинаково важны его детские впечатления о соседях по коммуналке, неповторимые характеры его школьных учителей, простота и надежность фронтовых друзей, магия таланта людей цирка — своеобразие и душа каждого, с кем он встречался. И при этом — ни одного дурного слова. Ни о ком. Никаких амбиций, претензий, обид и сплетен закулисья. Такое ощущение, что мир, в котором он пребывал, был абсолютно бесконфликтен и морально чист. И написано все с какой-то прозрачной простотой.

Это не лакировка действительности, а особое зрение. Никулин выбирал в людях то, что сам ценил. Поэтому они в книге получились умными, талантливыми, веселыми и добрыми.

Таким, собственно, мы помним и его самого. Хотя тайна его популярности и обаяния остается. Кажется, Сервантес сказал, что самый непобедимый человек тот, кому не

страшно казаться глупым. Но нет, и это не про Никулина. Глупость была лишь его профессиональным инструментом, он же был коверным в цирке и Балбесом на экране.

Но этот клоун играл у Кулиджанова и Бондарчука, Германа и Тарковского. Юрий Владимирович сам привел в книге эпизод, когда один его интеллигентный почитатель резко отчитал артиста за цирк, убеждая, что драматическому актеру такой глубины и силы стыдно паясничать на арене.

Впрочем, великих актеров на Руси много. Миллионы любили его не только за роли в цирке и кино, а за то, что он — Никулин. Так любили Высоцкого, Окуджаву... Нет, опять не выстраивается. Тот же Высоцкий в своих песнях умудрился сыграть целый народ: он представлял перед нами геологом и зеком, шахтером и деревенским пьяницей, спортсменом-неудачником и героем-пехотинцем... Народ узнавал се-

бя не в Высоцком, а в тех, от чьего имени он рвал голос и струны. А Никулин был только самим собой и никем больше. И когда выбегал на арену, и когда играл симоновского Лопатина. Между его ролями и его человеческой сутью почти не было грани. Как не было грани между ним и всеми нами. В книге есть удивительный снимок: Юрий Владимирович идет по Москве. Вокруг множество прохожих, которые на Никулина почти не обращают внимания. А на что там об-

ращать — обычное пальто, шапчонка набекрень, ссутулившийся и озабоченный своими мыслями человек.

Знал бы он, как мы все на него похожи. Или он на нас? Думаю, для Никулина это не было предметом раздумий, настолько органично он был вписан в собственный народ. Да и потом, он был согласен с тем, что человек в собственной жизни играет лишь небольшой эпизод.

Юрий БОРИСОВ

02.09.98

56